

Викторія
Радечук

Код доступу
К СЕРДЦУ

18+

Виктория Радецкая

Код доступа к сердцу

<https://litres.ru/74020748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший полицейский знает, что такое несправедливость. Его карьера, честь и вера в закон разрушены одним подлым ударом. Он живёт в тени, не доверяя никому, пока в его жизнь не врывается перепуганная женщина с глазами полными ужаса.

Она – учительница, которая верила людям. И жестоко ошиблась. Ловкие мошенники обобрали её до нитки, оставив лишь долги и страх. Она и представить не могла, что её доверчивость обернётся кошмаром. Теперь за ней охотятся, и она не знает, кому верить.

Он не хочет никого спасать. Но не может пройти мимо её беды. Он – её последняя надежда. Она – его шанс снова почувствовать себя человеком, а не изгоем.

Их объединяет общая опасность и раны от предательства. Но с каждым шагом в расследовании, с каждой отражённой угрозой, между ними прорастает что-то хрупкое и запретное. Чтобы выжить и восстановить справедливость, им нужно довериться друг другу. Но самое сложное – довериться собственному сердцу, которое, казалось, очерствело навсегда.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3. Макс	20
Глава 4. Аня	25
Глава 5. Макс	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виктория Радецкая

Код доступа к сердцу

Пролог

Темный, молчаливый сквер, и только капли мелкого, противного дождя методично стучат по железной урне.

Хочется заткнуть уши и не слышать этого – бздынь, бздынь, бздынь...

Мне не страшно. Уже не страшно. То есть, я вообще ничего не чувствую. Наверное, чувства и эмоции атрофировались навсегда. Впрочем, «навсегда» тоже больше не существует. Я в тупике.

– Какие идиоты! – говорила я, когда слышала подобные истории. Я над ними насмеялась, считая, что уж мне-то такое не грозит! Я умнее всех идиотов вместе взятых.

Но нельзя ни смешить бога своими планами, ни смеяться над людьми, попавшими в сложную ситуацию. Потому что сам можешь попасть в такую же. Это свыше как бы проверяют степень твоего собственного идиотизма.

Теперь мне некуда идти. Степень идиотизма зашкаливает. Сначала я посидела в кафе. Наскребла на чашку чая. И сидела бы дольше, но они в двенадцать закрываются. Меня ласково попросили уйти. Потом дошла до круглосуточного

бара. Но туда с чемоданом вообще не пустили.

Оставались вокзалы. Подойдя к метро, я уткнулась в закрытые двери. Идти пешком до какого-нибудь вокзала не было сил. И я села на мокрую скамейку в ближайшем сквере.

Где-то в недрах чемодана лежит зонтик. Я так быстро паковалась, что не догадалась положить его в сумку. Ничего. Посижу под мерзким дождем, простужусь и умру. Или не успею умереть. Кто-нибудь вызовет скорую, и я смогу полежать какое-то время в больнице.

Мимо идет мужик с собакой. Вот это да! Нашел время для прогулок. Он оглядывается на меня.

– Девушка, у вас все в порядке?

– Да, спасибо.

А что ему сказать? Что все далеко не в порядке?

Его собака – дог – подходит, обнюхивает и кладет голову мне на колени.

– Можно погладить?

– Конечно, он у нас добряк.

Я провожу рукой по гладкой, бархатистой шкуре, и на душе становится чуть спокойнее.

– Точно, все в порядке? – мужчина перекладывает зонт в другую руку, и я вижу, как блестит у него на пальце обручальное кольцо. – Не сидите тут долго. У нас довольно безопасно. Я работаю по сменам и часто гуляю так поздно. Жене лень, – он улыбается. – Но мне не жалко. Тем не менее, всякое бывает в нашей жизни. Так что лучше по домам, –

подмигивает он мне и уходит в темноту.

Да, в нашей жизни точно бывает всякое. И да, лучше по домам, но дома у меня больше нет. По большому счету, у сироты дома быть не может по определению. Но я к своим двадцати пяти годам начинала надеяться на лучшее. Идиотка.

Вдали мерцают огни большого города. Кажется, шагни туда, и все изменится – как в фантастических фильмах, я пройду через портал и окажусь в другом мире. Но я оттуда пришла. Уже знаю, что там хуже. Там закрытые кафе, неработающее метро, люди, которых ждут дома. У них два в одном: есть дом и есть те, кто их ждет, даже если они не любят вечерами выгуливать собак...

– Девушка, позвольте присесть рядом, – из темноты выныривает шатающаяся фигура. – Пе-ре-брал! – мужчина с многодневной щетиной и запахом жуткого перегара плюхается на скамейку, не дождавшись ответа.

– Заметно, – еле слышно отвечаю я и тут же замолкаю. Лучше пьяных не злить.

Я оглядываюсь. Собачник давно скрылся из виду. Мне бы встать и уйти подальше.

– А ты чего тут сидишь? – спрашивает нетрезвый голос. – Пазд-на-ва-та! О, чемодан! Приезжая что ли?

– Нет, я из Москвы. Переезжаю, – отчасти это правда. Вопрос в другом: куда я переезжаю.

– Куда? – эхом переспрашивает он. – Почему недо-пере-ехала? – я чувствую, как по мне скользит его оцениваю-

щий взгляд.

Нет, вот изнасилования только не хватало. Впрочем, он вряд ли на это способен в своем состоянии нестояния.

– Так вышло, – бормочу я. – Метро закрылось. Не успела.

– А на такси денег нет. Понял, – кивает он и чуть заваливается на бок.

Я непроизвольно оборачиваюсь – вдруг упадет. М-да, нашла за кого беспокоиться.

Мой сосед по скамейке делает попытку опять сесть ровно. На нем светлая, но давно не стиранная футболка, кожаная куртка и джинсы. Ему лет тридцать, хотя точно не скажешь. В руках пакет из сетевого супермаркета.

Он замечает мой взгляд:

– Выпить хочешь? Осталось на дне. Но я готов поделиться, – благородно предлагает мужчина и лезет в пакет.

– Нет-нет, спасибо!

– За-мерз-нешь. Держи! – он выуживает бутылку и отвинчивает пробку. – Тебе хреново, мне хреново. Всему миру хре-но-во! Пей! Не ерепенься.

Чтобы его не злить, я беру бутылку и делаю глоток. Хочется забыться, но это пойло оказывает на меня странное действие – с глаз словно пелена спадает.

– Спасибо, я пошла, – неважно куда. Может, по дороге встречу того мужика с догом. Главное, не оставаться с этим алкоголиком.

Зачем срabатывает инстинкт самосохранения? Ведь я со-

всем недавно умереть хотела, а тут на тебе – не хочу сидеть с пьяным и пить его пойло. Какие мы брезгливые...

– Пошли, – неожиданно говорит он мне. – Вызову тебе такси. У меня есть деньги.

Я открываю и закрываю рот, как рыба, выброшенная на берег. Сказать адрес какого-нибудь вокзала?

– Ага, тебе некуда ехать... – он не спрашивает, а утверждает. – Ладно, завтра расс-кажешь. Пока ко мне пошли. Я тут недалеко живу. Заодно сможешь добраться. Чего-то штормит по стра-шно-му.

«Пить надо меньше, и не будет штормить», – думаю я.

Он встает. Берет мой чемодан и, дико шатаясь, но довольно быстро уходит вперед по аллее.

– «Наша служба и опасна, и трудна. И на первый взгляд, как будто не видна. Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...» – запел он, а чемоданные колесики бодро зашелестели по асфальту.

Я вскакиваю со скамейки и бегу вслед. Да, полиция не помешала бы.

Догоняю. Дергаю свой чемодан. Но он держит его крепко, не выпускает. И продолжает петь:

– «...И не раз согрело нас в тяжёлый час сердце, сердце друга...». Под-пе-вай!

Я, понятное дело, молчу. Его продолжает мотылять из стороны в сторону. Я иду за ним, перекладывая тяжелую сумку с плеча на плечо.

Господи, ну чего я сделала такого ужасного, чтобы меня так наказывать?

Решка общая

Глава 1

Мы заходим в обычный подъезд стандартной девятиэтажки. Чемодан бьется о раскрывшиеся двери. Мужчина пытается галантно пропустить меня вперед. Захожу. Он вслед за мной. Каким-то чудом вписываемся в лифт. Он с тяжким вздохом прислоняется к дверям.

– Нам на четвертый.

Это, видимо, мне команда. Жму на кнопку.

Доезжаем. Он вываливается на лестничную клетку, волооча за собой мой чемодан.

– Прибыли! – с десятой попытки вставляет ключ в дверь.

Опять по-джентельменски пропускает меня вперед. Сам запирает замок, прислоняется к стене и стучит ботинком о ботинок.

– Не снимаются, сволочи! Ничего, сейчас мы еще разок, – садится на пол и стягивает ботинки руками.

Я оглядываюсь. Да, такая же малогабаритка, как была у меня, только в зеркальном отражении. В крохотном коридорчике такая же шаткая вешалка, как сам хозяин. Комната, в которой стоит большая кровать и шкаф-купе.

– Проходи, не стесняйся, – говорят мне в спину. – Тапки надень. Не то что у меня слишком чисто. Но там чисто, где не гадят.

Возле вешалки вижу розовые шлепанцы. Снимаю куртку,

влезая в шлепки.

– От бывшей жены осталось. Остальное она вывезла, а шлепки... то ли не жалко, то ли случайно забыла. Лучше на кухню сразу иди. Выпьем, расскажешь, что случилось.

Послушно шлепаю на кухню. Нормальная плита, шкафчики, угловой диванчик и стол. Скорее всего, отсюда жена ничего не стала вывозить.

Вслед за мной заходит хозяин квартиры.

– Так, садись. Щас я тут накидаю, чего смогу. Меня, кстати, Максим зовут. Если коротко, Макс.

– Аня, – еле слышно шепчу я.

Макс вынимает из холодильника банку с огурцами, капусту, шмоток колбасы и батон хлеба. Из шкафа достает бутылку водки.

– Порежь, – протягивает мне колбасу и хлеб. – Тарелки в шкафу.

Вдруг я понимаю, что мне реально хочется есть. За весь день только две чашки чая – не густо. Режу, раскладываю по тарелкам. Макс ставит две рюмки.

– Я не буду. Если можно, чай... Или простой воды.

– Не будет она. Трезвенница что ли? А я вот пьющий. Ладно, я тебе налью, а ты сама решай. Чая нет. Вода... из-под крана. Можешь вскипятить. Так, ну за знакомство!

Он быстро опрокидывает рюмку и начинает хрустеть огурцом.

– Ну, рассказывай.

С удивлением обнаруживаю, что его взгляд сфокусировался. Стал серьезным и цепким. Макс еще пьян, сто процентов. Но взгляд... Слишком трезвый для его степени опьянения.

Сначала я продолжаю молчать. А потом прорывает. То, что я хранила в себе, рвется наружу.

– Все началось с увольнения, – говорю я медленно. – Я работаю... работала... учителем истории. В школе. После педагогического сразу там нашла работу. Три года все шло хорошо. Конечно, иногда тяжелые ученики попадались, но со мной особых конфликтов не было.

– Анна Ивановна, разговор к вам непростой, – сказал мне директор. – Лучше подайте заявление по собственному. Родители обещали в таком случае на вас в суд не подавать.

– Извините, – я поправила очки, – не понимаю. В какой суд? За что?

– Ко мне пришел отец Паши Овсянникова. Сын жалуется на сексуальные домогательства с вашей стороны. Сейчас это весьма серьезное обвинение, поверьте. Лучше по собственному.

– Но я не домогалась! Боже упаси! – у меня слова застряли в горле от возмущения и ужаса выдвинутого обвинения.

Я вспомнила Пашу. Да, избалованный парень, сразу видно. Учился так себе. Десятый класс. Постоянно со мной флиртовал. Подмигивал, делал ненужные комплименты –

типа, как вы сегодня суперски выглядите. Но я всегда все это игнорировала. И я бы поняла, если бы я его заваливала. А так... ну троечки натягивала, даже если совсем плохо выучил.

– Там свидетели есть. Анна Ивановна, да, это его одноклассники. Но поди докажи, что они врут. К тому же отец Овсянникова большой человек не где-нибудь, а в органах. Вас засудят. Лучше уйдите подобру-поздорову. И школе такое дело тоже ни к чему. Сейчас учителей не хватает. Быстро найдете себе место. А вот с таким делом, – нажимает он на слово «таким», – больше по профессии не возьмут.

На автомате, как в тумане, пишу заявление.

Деньги у меня были кое-какие отложены. Мне одной много не нужно. Вот и копила с каждой зарплаты. Поэтому успокоилась кое-как, решила, что не я первая, переживу как-нибудь.

– Овсянников, значит, – хмурится Макс.

– Вы его знаете?

– Знал. Он меня с работы попер. И тоже по ложному наговору, – Макс снова наливает себе водки. – В полиции я работал. Вел дело о взятках в особо крупном. Там такие люди были – мама не горюй. Мне сразу сказали: не связывайся. А я связался. Деньги мне подкинули. Вывернули все наоборот – что это я взятки брал, чтобы дела закрывать. Как и тебе, велели подать по собственному, иначе... ну сама понимаешь.

А начальник, который все это провернул, кто у нас?

– Овсянников?

– Угадала! – Макс опрокинул стопку и внимательно посмотрел мне прямо в глаза. И опять я поражаюсь контрасту: взгляд незамутненный, пристальный и совершенно трезвый. – Ты из-за этого сидела ночью в сквере под дождем? Да еще с чемоданом? Вряд ли из-за увольнения, тем более, что ты реально могла легко найти работу. Случилось еще что-то?

Язык у него продолжает заплетаться. Он слегка покачивается на табуретке, норовя свалиться с нее на пол. Но как говорят? Мастерство не пропьешь? Видимо, работа в полиции наложила отпечаток. Он слушает и, я уверена, не пропускает ни одной детали.

– Так как? Одним увольнением не обошлось?

– Не обошлось, – подтверждаю я.

Решка на Ксению

Глава 2

Сразу после увольнения пошли звонки на мобильный. Почти все время говорили одно и то же:

– Мы все знаем. Тебе это с рук не сойдет.

Ничем не шантажировали конкретно, но нервы мне звонки выматывали капитально. Номера блокировала, а все равно дозванивались с других. Так продолжалось несколько дней.

– Ты кому-нибудь говорила о том, что происходит? – вклинивается Макс.

– Да, подруге. У меня их две. Но та, что с детского дома, уехала в Питер. А в школе познакомилась с Леной. Вот она в курсе. Очень меня поддержала.

– А что ж ты к ней не поехала? Сидела в сквере ночью на мокрой скамейке?

От жестокости его слов мне становится совсем не по себе.

– Она живет не одна... Муж... Неудобно. У него своеобразный характер. Да и в итоге про то, что мне негде жить, я ей не сказала. Поймите, я поступила, как последняя идиотка!

На глазах выступили слезы. Сколько я себя винила за случившееся, ну сколько! И тут еще эти глаза – алкоголика, приютившего сиротку. Боже, как в паршивой книжонке или фильме... Только происходит это наяву – единственная раз-

ница.

– Так, успокойся. Извини, я слушаю.

И он действительно слушает, как давно никто не слушал. Пожалуй, Ритка в детдоме в последний раз.

– А потом случилось вот это. Когда я повела себя...

– Как идиотка. Я уже понял.

Мне позвонили и тупо сказали, что мой счет в банке взломан. А чтобы я подтвердила свою личность, надо было сказать код доступа к госуслугам. Короче, я сказала. Я в таком состоянии уже находилась, что выдала бы любую информацию.

После с моего счета списали все деньги. Просто булькнуло в мобильном приложении – и пусто. Тут меня осенило. То есть, я поняла, что меня развели. Но главное началось позже.

– Ваши деньги перевели сами понимаете куда, – раздался очередной звонок.

Я только-только взяла себя в руки. Наша несколько вакансий в школах. Планировала отправить резюме.

– Чтобы избежать неприятностей, вам придется заплатить. Иначе, в суд пойдете по двум статьям и обе серьезные.

– У меня нет больше денег, – пробормотала я.

– А квартира? Мы вам поможем с продажей. Все сделаем быстро, глазом моргнуть не успеете.

Я посоветовалась с Ленкой. Она сказала, что реально могут посадить за такое и надолго. Чтобы я соглашалась. Обе-

щала помочь, чем сможет. Но они с мужем на ипотеке, поэтому всем, кроме денег.

Короче, я подписала все бумажки.

Квартиру продали. И тут я опомнилась. Но адвокат сказал, что с бумагами все в порядке, и у меня ноль шансов. Вернуть квартиру не получится.

Сегодня... То есть, уже вчера... Они пришли. Мужики. Полицейские. Велели собрать вещи и освободить жилплощадь. Я бы может чего и вывезла, а куда? И времени мне не оставили. Сказали, что на меня уже жалуются новые хозяева, хотя я их в глаза не видела! Может договорилась бы. А переезжать некуда. Квартиру снять не на что. К Ритке ехать не на что...

Я разревелась.

– Угу, понял. Развели тебя. Полицейские, скорее всего, были не настоящие. Но интересно, откуда в этой схеме ноги растут. Ты точно ничем сынку Овсянникова не насолила?

Макс уходит с кухни и возвращается с рулоном туалетной бумаги.

– Зачем мне бумага?

– Сопли утри. Салфетки давно закончились. А за бумажкой я слежу. Так что у нас с сынком... как там его? Пашка?

– Да, Павел, – киваю. Слезы льются ручьем и остановить этот поток я не могу.

– Начнем с него. Я подрабатываю частным детективом. В

основном, за неверными супругами слежу. Зато платят хорошо. Поэтому в перерывах между заказами пью, как видишь. Качество выпивки напрямую зависит от заработка. Обычно начинаю с хорошего коньяку, а заканчиваю паршивой водкой.

Макс демонстрирует свои слова, выпивая очередную рюмку.

– Но! Внимание! Я не алкоголик. Когда захочу, брошу. Так что не думай.

Чего уж тут думать. Я даже плакать перестала. Все пьяницы так говорят: мол, брошу в любой момент. Я, правда, особо с такими не была знакома. И вот познакомилась. Единственный плюс в этом – сижу не под дождем, а в тепле.

– Не веришь... – он не спрашивает, утверждает. – А зря. У меня сила воли – вот такая, – Макс трясет перед моим носом кулаком. – Железная! Завтра снижу норму потребления. У нас же дело. Надо расследовать. Квартиру тебе вряд ли вернем. Тут ты даже не надейся.

– Я не надеюсь. Мне от самой себя противно. Квартиру государство дало, как сироте. А я ее профукала! – я опять заревела. – И-ди-от-ка!!!

– Да понял я, понял! Утрись. Ты не виновата. Они действуют по одной схеме. Загоняют человека в угол. Психологически... Тьфу ты! Психологически. Давят и пользуются моментом. Вот это мне и важно выяснить. Они отдельно от сексуального... как его там у тебя... домогательства или

вместе с ним. Скорее всего, это одна схема. Нутром чую. Однако странно, что простая учительница... Чего ты у нас там сеешь?

– Что сею?

– Предмет какой? Доброе, вечное в какой сфере знаний?

– История.

– Вот. Простая учительница истории кому нужна? У тебя денег на счету сколько было? Много? Миллионы?

– Не, какие миллионы! Я ж сначала тратила. На ремонт, на мебель в квартиру. Ой, все пропало! Так старалась! – слезы полились по новой, как вспомнила про свою уютную квартиру.

– Блин! – Макс отрывает длинный кусок туалетной бумаги. – Не реви, пожалуйста! И квартира твоя где? В Барвихе? Лакшури вилладж?

– Такая же, как ваша. Только зеркальная. В другую сторону.

– Именно. Брат с тебя нечего, дорогая моя. Ладно, спать. А то ты совсем расклеилась. Завтра с утра будем решать, что делать.

Сил сопротивляться нет. Макс ведет меня в комнату и укладывает на кровать.

– Я рядом лягу. Обещаю не приставать и не храпеть.

Не успеваю ему ответить – проваливаюсь в глубокий, тяжелый сон.

Глава 3. Макс

Засыпая, думаю: «На кой она мне сдалась».

Рано утром я просыпаюсь и вижу рядом эту дурынду. О которой и думать забыл. Вот так, спьяну приведешь домой барышню, а потом расхлебывай.

И она, и я – оба заснули одетыми. Со мной-то все понятно, а училку я не стал раздевать. Во-первых, жаль было будить – точно бы проснулась. Во-вторых, подумала бы невесть что.

Тихонько вылезаю из постели.

Надо бы в магаз сходить, купить что-нибудь на завтрак...

Возвращаюсь с упаковкой яиц, пачкой чая и банкой кофе. Деньги есть – последний клиент просил выяснить, не сливает ли его зам инсайдеровскую инфу. Я доказал, что сливает, и мне заплатили, сколько обещали, да еще сверху. Столько даже близко пропить не успел.

Выкладываю все на кухне и возвращаюсь в комнату.

– Ой, я долго спала? – на меня смотрят два огромных, близоруких глаза. – Понимаете, не могла заснуть в последнее время. Извините.

Она сидит на кровати и смотрит на меня так, как будто реально совершила самый жуткий грех на земле.

– Все в порядке. Извиняться не за что. Тебе есть во что переодеться после душа?

– Да, конечно, в чемодане есть вещи.

– Отлично. Марш в душ и на кухню. Позавтракаем.

Обжариваю ночную колбасу с яичницей и кусками хлеба.

В дверях появляется Аня – мокрые волосы, распущенные лежат по плечам. На ней футболка и легкие брюки. Фигурка что надо! Вчера не успел оценить.

– Садись. Вон завтрак сварганил.

– Спасибо, – тихонько произносит она и садится за стол.

– Итак... ешь-ешь... Мне странно, чего так на тебя набросились. Или сынок Овсянникова с этими звонками и квартирой не связан. Или... ну сама понимаешь – связан. Чуйка подсказывает последнее. Но как связан? Хороший вопрос. Я начну с него.

– Как начнете? Что вы сделаете? Зачем мне помогаете? – тупит училка.

– Так, заканчивай выкатать. Переходим на «ты». Помогаю сам не знаю зачем. Видимо, ты мне понравилась. Ага. Плюс привык помогать несчастным и обездоленным еще в полиции. Выработался рефлекс. Как начну? Ты мне скажешь номер школы, адрес. Я схожу, подкараулю его и вытрясу инфу.

– Хуже не будет? – опять эти глаза-блюдца смотрят на меня, словно идиот я, а не она.

– А есть куда хуже? Есть другой выход?

– Нет. Наверное, нет. Но я их боюсь. Они постоянно говорили, чтобы я не смела идти в полицию. Что они об этом

узнают. И найдут меня, куда бы я ни спряталась.

У меня в голове роится целая куча мыслей. Надо бы опохмелиться и привести их в порядок. В магазине я ничего из спиртного не купил. Но дома кой-чего осталось.

Под осуждающим взглядом Ани выпиваю рюмку водки. Полегчало.

– Не надо так на меня смотреть. Я потихоньку завяжу. Если я в деле, то не пью... Дай свой телефон.

– Зачем?

– Затем. Предположим, все события связаны. И раз они говорили, что узнают о твоём обращении в полицию, значит там, действительно, фигурирует Овсянников-старший. По какой-то причине решил тебя сгнобить. Киношки смотрела? В этом плане там все верно показано. По мобиле могут вычислить, где ты. Для этого нужны ресурсы. А они у Овсянникова есть. Телефон давай. Тебя кто-то искать будет?

– Нет. Я детдомовская. Меня некому искать. Хотя вот Рита... Можно я хоть ее предупрежу, чтоб не волновалась? И Лену.

– Нельзя. Мы пока не знаем, что им про тебя известно. Переживет твоя Рита. А Лена тем более.

Аня протягивает мобилу. Я вынимаю симку и ломаю ее.

– Телефон я выброшу. Сиди здесь. Если кто позвонит в дверь, не открывай. Но в глазок посмотри. А так, сиди смирно, не высовывайся. Диктуй адрес школы.

Сына Овсянникова я легко нашел в соцсети. Полюбовался на его наглую морду. На сайте школы посмотрел расписание десятого класса. Поехал к школе. Там, понятное дело, охрана и все дела. Но после уроков все равно другого выхода нет, кроме как покинуть родные стены школы.

Какое-то время иду за Пашкой. Он с друзьями. Но через квартал они расходятся в разные стороны.

– Тормозим, – я встаю перед ним и ласково улыбаюсь. – Вопрос есть. Ответишь, спокойно пойдешь дальше.

– Ты кто такой? – отвечает нахально.

– Я друг Анны Ивановны. Помнишь такую? Ее уволили по твоему поклепу.

Пашка пытается выскользнуть. Однако я его держу незаметно для посторонних, но крепко. Он хочет меня ударить, а и тут мимо – я его легко блокирую.

– Хуже будет. Лучше говори, зачем ее оболгал.

– А я чо, ничего. Она меня отшивала. Обычно девки на меня вешаются сами. А тут такое. К тому же отец за тройки по истории ругал. Он считает, что надо историю знать. Ну я ему и сболтнул, что Анька... – легкий удар в живот, – ... Анна Ивановна... ко мне пристаёт. Типа, оставляет после уроков позаниматься, а сама пристаёт. Ну отец сразу к директору. Велел ее уволить на фиг.

– А дальше?

– Что дальше? – глаза у Овсянникова-младшего забегали.

– Ее уволили. Не, я так не хотел, чтобы вышло. Но ничего,

найдет работу. Какие проблемы?

– Шантаж, вымогательство. Это же твоих рук дело?

– Ой, нет. Не моих.

Глаза слишком сильно забегали. Когда мне врут, вижу сразу. Я прижимаю его сильнее к стене дома, но проходящие мимо люди начинают на нас поглядывать. Надо ослабить хватку. Тем не менее, жучок кинуть ему в рюкзак удалось. Ловкость рук – ничего более.

– Значит, больше сказать тебе нечего? А если хорошо подумать?

– Да пошел ты!

Пашка вырывается, а я понимаю, что он в этом деле по уши. Но вряд ли он это все сам прокрутил. Слишком мозгов мало. Тогда кто за этим стоит?

У меня аж уши горят. Первый шаг сделан. Остальные действия надо тщательно продумать.

Еду домой. Возле подъезда стоит черная машина с тонированными стеклами.

Не к добру.

Глава 4. Аня

Я просыпаюсь и не могу понять, где нахожусь. Но уже через мгновение осознаю, что сделала ночью – пошла к незнакомому, причем пьяному мужику «в гости». Нет, назвать это гостями без кавычек невозможно!

Его нигде не было. А вскоре стало понятно, что он ходил в магазин.

За завтраком Макс профессионально расспрашивал меня о том, что произошло. А потом он ушел вылавливать Пашку Овсянникова. Велел дверь никому не открывать. Но в глазок смотреть. Да, и самое главное – забрал телефон, а симку уничтожил.

После его ухода, я убираюсь в квартире. Много времени это не занимает. А потом сижу и тупо смотрю в телевизор. Там какие-то детские мультики. На содержании нет желания концентрироваться. Переключать тоже неохота. В голове пульсирует вопрос Макса: за что они так на меня набросились. И есть ли связь между Пашкой и последующим вытягиванием из меня денег.

В этот самый момент раздается звонок в дверь. Я аж подскакиваю. Вздрагиваю, инстинктивно вжав голову в плечи. Вернулся Макс? Но это явно не он. У него же есть ключи.

Звонок повторяется. Длинный, настойчивый.

Затаив дыхание, я выключаю телевизор – хотя если там

услышали его звук, то уже поздно, и на цыпочках крадусь в крохотный коридор.

Старый, добрый глазок. Я отодвигаю металлическую шторку и смотрю. Сердце пропускает удар, а потом бьется где-то в горле. Если бы я даже хотела, не смогла бы сказать ни слова.

На лестничной клетке, в дрожащем свете лампы дневного освещения, стоят двое.

Первый, высокий и широкоплечий, в темном пальто, стоит вполоборота. Я вижу только его тяжелую челюсть и шрам на щеке. Второй – ниже, сутулый, в кепке, надвинутой на глаза. Обе руки в карманах. Он стоит прямо напротив двери и, кажется, смотрит мне прямо в душу через кусочек стекла. Они не двигаются. Просто стоят и смотрят на дверь.

Третий звонок. Теперь он звучит иначе – злее, нетерпеливее.

Я отшатываюсь от двери, прижав ладонь ко рту, чтобы не закричать. Сердце колотится так, что, наверное, его стук слышно на лестнице.

«Никому не открывай», – стучит в висках.

Снова смотрю в глазок, надеясь, что те двое ушли.

Но видно, как сутулый наклоняет голову, будто прислушиваясь к чему-то. Потом он медленно подносит палец к губам в жесте, который не оставляет сомнений: «тише», «молчи».

Они знают, что я здесь? Они ждут, что я все-таки открою?

Неужели мой телефон действительно отслеживали? Зачем? Что я им сделала? И почему так быстро они появились здесь? Ведь я вообще не была знакома с Максом...

Или они пришли к нему? Он же частный детектив. Вполне могут искать не меня...

Смотрю в глазок. Высокий отходит в сторону, исчезнув из поля зрения. Я замираю, боясь дышать. Что он делает? Проверяет окна на лестнице? Ищет возможность проникнуть в квартиру?

Тишина давит на барабанные перепонки. Проходит минута. Две. Вечность. Я не могу оторвать взгляда от двери, ожидая, что в любой момент дернется ручка или раздастся глухой удар ноги.

Но вместо этого я слышу шорох. Тихий, царапающий звук с той стороны двери. Будто кто-то проводит ногтем или ключом по косяку, пытаюсь нащупать щель. Этот звук хуже любого грохота. Он почти интимный, пугающе близкий.

Я оглядываюсь. В маленькой нише стоит стационарный телефон. Я поднимаю трубку – гудок. Значит работает. Позвонить в полицию?

А что я им скажу? «Здесь двое. Мне страшно». Это не преступление – стоять в подъезде и звонить в дверь.

Но интуиция, тот звериный страх, что скрутил внутренности в тугой узел, кричит об обратном. Это не случайные прохожие, не курьеры и не гости, перепутавшие этаж. В их неподвижности, в этом жесте «молчи» что-то хищное.

Я снова подкрадываюсь к двери, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

В глазке – никого.

Лестничная клетка сияет мертвенным светом. Они исчезли так же бесшумно, как и появились. Но я знаю, всем своим нутром чувствую: они не ушли. Они просто сделали шаг в сторону, туда, где мне их из глазка не видно. Где они могут спокойно затаиться и ждать.

Я закрываю глаза, прислонившись спиной к холодной двери, и смотрю на телефон.

Что делать? Звонить? Или у меня паранойя и они ушли?

Крадусь обратно в комнату и сажусь на кровать. Телевизор больше не включаю. Застываю и жду.

Глава 5. Макс

Мое внимание всегда привлекают вещи, которые выбиваются из привычного ряда.

Я свернул во двор ровно в пятнадцать часов четырнадцать минут – автоматически засек время, когда заходил с проспекта, – привычка, въевшаяся в кровь за годы работы. Частных клиентов тоже интересует точное время. Хотя, по-моему, во сколько тебе изменили не так, важно, как сам факт измены...

Влажный асфальт – продолжается ночная морось, детская площадка с мамашей и коляской. Машина.

Черный седан с тонированными стеклами стоит ровно напротив подъезда, чуть по диагонали, перекрывая выезд для других автомобилей. Значит, внутри водитель – чтобы в случае необходимости отъехать.

Никаких опознавательных знаков, никаких надписей «такси», рекламы, даже номера самые обычные, московские – не официальные, без вот этих вот выпендренных «999» или «008». Такой номер сходу, если специально не задаться целью, не запомнишь, не обратишь внимание.

Но что-то в том, как она стоит, как слегка покачивается на рессорах от работы двигателя, кричит: «Чужие».

Застываю на месте. Из-за угла дома меня пока не видно, и я стою неподвижно минут пять, вглядываясь. За тонировкой

ни черта не видно. Может, это обычная машина, а затонирована – ну так, для понтов. Однако внутри неприятно шевелится мыслишка: те, кто зачем-то преследуют Аню, успели выйти на ее след. Быстро, слишком быстро!

Мой адрес Овсянников не знает. Да, он может полезть в личное дело и посмотреть. Но смысла в этом никакого – он понятия не имеет, что ночью Аня пошла ко мне.

Я поворачиваю обратно и ныряю в подвал магазина, расположенный с другой стороны дома. Однажды я проложил путь через подвал – когда показалось, что за мной хвост. И пользовался для заметания следов не раз. Дверь открыть легко – днем шныряют туда-сюда курьеры, грузчики и прочие сотрудники. Главное, войти спокойно, делая вид, что так и надо.

Старый подвал, соединяющий магазин и мой подъезд, просто рай: тусклый свет, трубы гудят, пахнет сыростью и крысами.

Выныриваю на первом этаже. Дом у нас далек от элитности – никаких консьержек, даже домофон не всегда работает. На лифте поднимаюсь на три этажа выше, чем мой. Медленно и тихо начинаю спускаться по лестнице.

Берусь за ржавую ручку двери, ведущую на лестничную клетку, когда слышу голоса. Они стараются говорить тише, но эхо в подъезде разносится зверски.

– Да нету ее, – голос грубый, с противной хрипотцой.
– Мобилу поймали в этом подъезде, стопудово. Но насчет

квартиры неточно. Овсянка сказал, что здесь живет Евпатов. И что с того? Она его наняла? О-о-очень сомневаюсь.

«Овсянка» – прозвище Овсянникова. Иначе за глаза и не зовут.

– Согласен. Слышал, Макс занимается частными делами. Ловит неверных мужей и жен, – засмеялся второй. Он говорит тише, но я расслышал и его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.